

1

Сюжет “Лолиты” был предложен Владимиру Набокову Борисом Ивановичем Щёголевым, не слишком интеллигентным персонажем одного из его “русских” романов (“Дар”), написанного в 1934–1937 годах. Ниже приводится соответствующий пассаж.

“Эх, кабы у меня было времячко, я бы такой роман накатал... Из настоящей жизни. Вот представьте себе такую историю: старый пес, — но еще в соку, с огнем, с жаждой счастья, — знакомится с вдовой, а у нее дочка, совсем еще девочка, — знаете, когда еще ничего не оформилось, а уже ходит так, что с ума сойти. Бледненькая, легонькая, под глазами синева, — и конечно на старого хрыча не смотрит. Что делать? И вот, недолго думая, он, видите ли, на вдовице женится. Хорошо-с. Вот, зажили втроем. Тут можно без конца описывать — соблазн, вечную пыточку, зуд, безумную надежду. И в общем — просчет. Время бежит-летит, он стареет, она расцветает — и ни черта. Пройдет, быва-

ло, рядом, обожжет презрительным взглядом. А? Чувствуете трагедию Достоевского? Эта история, видите ли, произошла с одним моим большим приятелем, в некотором царстве, в некотором самоварстве, во времена царя Гороха. Каково?” — и Борис Иванович, обратя в сторону темные глаза, надул губы и издал меланхолический лопающийся звук¹.

Из-за этого Бориса и трагедии Достоевского я нахожу эксцентричное описание генезиса лучшего набоковского романа самим автором намеренно сбивающим с толку. Он пишет:

Первая маленькая пульсация “Лолиты” пробежала во мне в конце 1939-го или в начале 1940-го года в Париже на рю Буало, в то время как меня пригвоздил к постели серьезный приступ межреберной невралгии. Насколько помню, начальный озноб вдохновения был каким-то образом связан с газетной статейкой об обезьяне в парижском зоопарке...²

Разумеется, в данном случае не суть важно, как было на самом деле; и реальный Набоков имеет полное право создавать Набокова вымышленного, если ему так хочется. Я лишь отмечаю, что надо всегда быть начеку, поскольку поверхностных и доверчивых читателей ждет участь набоковских бабочек.

Еще один типично набоковский пример одурачивания обнаруживается в другом предисловии к недавно переведенному роману:

Мой любимый писатель (1768–1849) сказал как-то о романе, теперь совершенно забытом: *Il a tout pour tous*³...

Набоков не раскрывает, кто этот автор, и не поясняет, о чем идет речь. Как выяснить имя любимого писателя Набокова, имея в своем распоряжении лишь цитату из забытого романа и две даты, одна из которых — как обнаружится впоследствии — неверная? Этот автор, вероятно, хотя и необязательно, — француз; упорные поиски и некоторые замечания в набоковском Комментарий к “Евгению Онегину”^{***} приводят к выводу, что это Франсуа (Огюст) Рене, виконт де Шатобриан (1768–1848), чья дата смерти указана в Комментарий к “Онегину” правильно. И что это доказывает? Ничего, кроме того, что тот, кто берется за чтение автора-садиста вроде Набокова, должен иметь под рукой энциклопедии, словари и записные книжки, если желает понять хотя бы половину из того, о чем идет речь (забытый роман я так и не раскопал). Это немного досадно, поскольку произведения искусства могут потребовать умственных усилий, несоразмерных пользе, от них получаемой, — хотя литературные головоломки порой увлекательны. Читатель обязан быть исследователем⁴.

Мое третье вводное замечание можно проиллюстрировать отрывком из набоковской “Защиты

* В нем есть всё для всех (*фр.*). — *Здесь и далее прим. перев.*

** “«Рене», гениальное произведение величайшего французского писателя своего времени...” V. Набоков. *Eugene Onegin. Commentary*. Bollingen Series LXXII Pantheon Books. Vol. III, p. 98. Перевод наш.

Лужина”, романа о блестящем и несчастном шахматисте. Однажды вечером жена Лужина наконец-то избавилась от надоедливых гостей и “быстро обняв мужа, стала целовать его — в правый глаз, потом в подбородок, потом в левое ухо, — соблюдая строгую череду, им когда-то одобренную”⁵. К этому моменту романа сострадательная жена Лужина — одна из самых сердечных героинь Набокова — делает все возможное, чтобы отвлечь мужа от мыслей о шахматах, поскольку эта мономания уже привела его к серьезному нервному срыву. Но несмотря на всю свою старательную заботливость, она не видит — а он подсознательно отмечает, — что линия, образуемая этой странной оскуляторной последовательностью, в точности имитирует ход шахматного коня. Это типично набоковская деталь. Все имеет значение; внутренние связи скрыты под поверхностью. Читатель должен продвигаться медленно и мыслить логически.

Мало кто из писателей требует от своей аудитории больше, чем Набоков. Настоящая работа призвана продемонстрировать некоторые задачи, встающие перед читателем в процессе медленного, пытливого и вдумчивого изучения деталей. Исходные данные предполагают, что идеальный читатель “Лолиты” должен быть опытным литературоведом, свободно владеющим несколькими европейскими языками, Шерлоком Холмсом, первоклассным поэтом и, кроме того, обладать цепкой памятью.

2

Перед тем как перейти к рассмотрению обширной темы литературных аллюзий “Лолиты”, я хотел бы дать несколько примеров тех заботливо приготовленных Набоковым деталей, которые нужно держать в памяти, и связей, которые следует устанавливать, дабы испытать восторг узнавания и уколы эстетического наслаждения. К примеру, Гумберт сообщает, что, впервые подъезжая к дому Шарлотты Гейз, “мы едва не раздавили навязчивую пригородную собаку (из тех, что устраивают засады автомобилям)” (с. 69). Несущественная деталь? Нет. Пес отставного старьевщика — это одна из тропок сюжетного лабиринта Набокова. Несколько месяцев (и много страниц) спустя машина Фреда Биэля, уворачиваясь именно от этого сеттера, вильнула и сшибла Шарлотту Гейз в тот самый момент, когда Гумберт, казалось, очутился в безвыходном положении; превратность судьбы — и он становится единственным опекуном и хозяином Лолиты. Не будь этой собаки, Гумберт потерял бы Ло навсегда.

Другой пример. Когда Гумберт приезжает в лагерь “Ку”, чтобы забрать Лолиту, то домик, где находилась контора лагерной начальницы, указывает ему угрюмый “хулиганского вида рыжий мальчишка” (с. 187), которого, как мы узнаём впоследствии, зовут Чарли. А уезжая вместе с Лолитой, Гумберт говорит себе: “Прощай, лагерь «Ку», веселый «Ку-Ку», прощай, простой нездоровый стол, прощай, друг Чарли” (с. 190). В ту же ночь Гумберт впервые обладает Лолитой. Но Лолита признаётся ему, что она и ее подруга Варвара частенько переправлялись на остров и по дороге по очереди “отдавались”, говоря словами Гумберта, “молчаливому, грубому и совершенно неутомимому Чарли” (с. 230). Так мы узнаём, что Гумберт, сам того не подозревая, столкнулся с первым обладателем Лолиты. Отсюда следует еще более занятный и жутковатый вывод, которого Гумберт в тот момент сделать не мог. Уезжая из лагеря вместе с Лолитой, Гумберт без комментариев констатирует: “Позади был длинный день, утром она каталась на лодке с Варварой... и еще занималась кой-чем” (с. 205). Если читатель вспомнит об этом через двадцать страниц, когда будет читать “признание” Лолиты о Чарли Хольмсе, то придет к интересному заключению: утром Ло была в кустах с Чарли, а ночью в постели с Гумбертом — гротескное двойное обслуживание, относительно чего ревнивого Гумберта милосердно оставят в неведении.

Если мы перепрыгнем от первого дня гумбертовского контроля над Лолой к последнему, то обнаружим другой пример авторской иронии и необходимости внимательного чтения. Когда Куиль-

ти забирает Лолиту из Эльфинстонской больницы, Гумберт находится в ближайшем мотеле. Время — чуть позже двух часов дня. Дату можно вычислить. В тот самый день, когда Гумберт слег с простудой, “в городе <...> начали справлять великий национальный праздник, судя по мощным хлопшкам — сущим бомбам, — которые все время разрывались...” (с. 406–407). Без пяти два Гумберту заботливо звонят из больницы; он заверяет сиделку, что не появится раньше завтрашнего дня. А на следующий день узнаёт, что Лолиту выписали из больницы — и из его жизни — сразу после двух часов. В следующей главе, кратко описывая свой июньский и июльский маршрут, Гумберт ненавязчиво замечает, что они с Ло прибыли в Эльфинстон “за неделю до Дня Независимости” (с. 411). Куильти с чисто набоковским чувством юмора исхитрился освободить Лолиту 4 июля. Но, к счастью, Гумберт не сумел установить связь и не уловил жестокой иронии⁶.

И наконец, последний пример набоковских штрихов и нюансов — сквозное прохождение тех или иных тем — может служить своего рода мостиком к обсуждению литературных аллюзий. В послесловии (“О книге, озаглавленной «Лолита»”) Набоков замечает, что список учеников класса Рамздэльской школы — это один из образов, которые он, вспоминая “Лолиту”, всегда выбирает для особого своего услаждения⁷. Около половины этих имен встречается в дальнейшем на протяжении романа. К примеру, одну из девочек зовут “Фантазия, Стелла”. Гумберт представляет ее себе как “очаровательную Стеллу, которая дает себя трогать чужим мужчинам” (с. 93). Как и многие из упомянутых персо-

нажей, она отказывается исчезать после первого мимолетного появления. Уже ближе к концу “Лолиты”, когда Гумберт возвращается в Рамздэль в поисках Куильти, он входит в тот же отельный бар, где несколько лет назад покорило сердце Шарлотты, распив с ней полбутылки шампанского. Список класса эхом звучит в имени и в эпитете:

Как и тогда, лакей с лицом как луна распределял по астральной схеме пятьдесят рюмочек хереса на большом подносе для свадебного приема (Мурфи, этот раз, сочетался браком с Фантазией)⁸ [с. 481].

“Фантазия, Стелла” возникает через пятьдесят с лишним глав как “астральная... Фантазия”. Видимо, Набоков полагает, что читатель, уразумев, почему официант распределил рюмочки по астральной схеме, вознаграждается в достаточной степени. Ему следует, как сказал бы Набоков, ощутить пронзительное удовольствие любителя шахмат, гордость, удовлетворение и психологическую гармонию, которые столь хорошо известны творцам.